

Сухов Сергей Владимирович

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ЧАСТИЦЕЙ "СЕБЕ" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются в общих чертах возможные пути формирования глагольных конструкций с частицей "себе" в историческом развитии русского языка. Показано, что для глаголов различных лексико-семантических групп эти пути были различными, что вытекало прежде всего из различий в семантике исходных сочетаний этих глаголов со словом "себе" как формой датива возвратного местоимения. Предполагается, что процесс перехода формы местоимения в частицу не был завершен еще к XVII столетию, хотя некоторые черты новой глагольной конструкции обозначились достаточно ясно. Показано, что фрагментарность свидетельств о конструкциях со словом "себе" в старорусских письменных памятниках может быть частично восполнена обращением к употреблению таких конструкций в русских диалектах и просторечии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 179-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

STRUCTURAL FEATURES OF POEM "IN DARKNESS" BY GADZHANAN MADKHAV MUKTIBODKH

Strel'tsova Liliya Aleksandrovna
Saint-Petersburg State University
liliboridko@gmail.com

The article discloses the structural features of the poem "In Darkness" by G. M. Muktibodkh, the ideologist of the literary trend "new poetry" of Hindi. In this poem the unity of time, place and action is shown. All three elements are closely connected with the emotional state of the lyrical hero, and their description is changed depending on him. In the poem fantasy and real worlds are closely intertwined (the main action happens when dreaming), their boundaries are often fuzzy, incitement to transition is often stimulated with the hero's strong emotion.

Key words and phrases: "new poetry" of Hindi; G. M. Muktibodkh; structure; unity of time, place and action; emotional state of lyrical hero.

УДК 81'367.365

Филологические науки

В статье рассматриваются в общих чертах возможные пути формирования глагольных конструкций с частицей «себе» в историческом развитии русского языка. Показано, что для глаголов различных лексико-семантических групп эти пути были различными, что вытекало прежде всего из различий в семантике исходных сочетаний этих глаголов со словом «себе» как формой датива возвратного местоимения. Предполагается, что процесс перехода формы местоимения в частицу не был завершён ещё к XVII столетию, хотя некоторые черты новой глагольной конструкции обозначились достаточно ясно. Показано, что фрагментарность свидетельств о конструкциях со словом «себе» в старорусских письменных памятниках может быть частично восполнена обращением к употреблению таких конструкций в русских диалектах и просторечии.

Ключевые слова и фразы: частица «себе»; датив возвратного местоимения; глагол; переход местоимения в частицу; лексико-семантическая группа.

Сухов Сергей Владимирович

Московский педагогический государственный университет
ser18442008@yandex.ru

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
С ЧАСТИЦЕЙ «СЕБЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Глагольная конструкция с частицей «себе» («спит себе», «идет себе», «сидит себе» и т.п.) давно существует в русском языке и занимает в его системе хотя и периферийное, но достаточно устойчивое положение. Однако, как справедливо отмечал И. Г. Добродомов, «литература, посвященная этой частице и ее сочетаниям с глаголами, не может считаться обширной» [2, с. 39]. Если сказанное справедливо по отношению к современному русскому языку, то история глагольной формы с этой частицей пока может быть прослежена только в самых общих чертах.

До настоящего времени отсутствуют исследования, ставящие своей задачей проследить историю приглагольной частицы «себе» в русском языке. Показательна в этом смысле достаточно давняя статья А. Б. Правдина, где «себе» трактуется как «этическая» форма дательного падежа возвратного местоимения: «Дательный этический падеж, форму которого принимают личные и возвратное местоимения, представляет... ослабленный вариант дательного падежа предназначения» [6, с. 102]. Несколько ниже он уточняет, что «в современном русском языке этот этический дательный падеж... передает еще оттенок значения обособленности действия, ограниченности его сферой субъекта» [Там же, с. 103]. Казалось бы, далее следует выяснить, имела ли конструкция с «себе» такой оттенок и в русском языке предшествующего времени и когда именно данный оттенок мог появиться. Однако автор, утверждая, что «четких случаев» употребления «дательного этического падежа возвратного местоимения в памятниках старославянского языка и древнерусского языка старшего периода мы не встретили» [Там же], для «древнерусского языка младшего периода» он ограничивается простым, лишенным анализа, кратким перечнем примеров, хотя и весьма интересных: «а ныне иди себе и покойся, докуда мы не обдосужились [рукопись XVI века]»; «...а податей никаких... не платять, а живут себе въ покое [1619 г.]»; «коли баба лиха, живи же себе одна! [Житие Аввакума]»; «аще и млад, а по-старому зделать – пошелъ себе ко владыке [Житие Аввакума]»; «сокол лебедь, летая, бьет, а ворона себе сидя, и жабу жрет [поговорка XVII века]» [Цит. по: Там же].

В своей трактовке частицы «себе» как местоимения А. Б. Правдин следовал давней традиции, отразившейся, в частности, у Д. Н. Овсяннико-Куликовского: «-себе», оставаясь местоимением, присоединяется к глаголу... в... как бы ослабленном значении...» [5, с. 132-133]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский также отмечает недавнее, по его мнению, происхождение глагольных оборотов с «себе»: «старые русские формы с местоимениями

–ея”, –ен” и новые – с местоимением –ебе”» [Там же]; однако и у него нет какого-либо исследования происхождения этих форм.

С середины XX столетия в отечественной науке прочно утверждается понимание «себе» как частицы, и притом входящей в состав сказуемого, что было закреплено авторитетом академической «Грамматики русского языка»: «В предложениях типа... –Сидит себе и улыбается”... слово –ебе” в таком употреблении является частицей в составе сказуемого» [1, с. 132]. В связи с этим проблема рассмотрения процесса перехода местоимения в частицу стала весьма актуальной.

Н. Ю. Шведова отмечала, что «частица –ебе”... больше, чем все другие частицы новейшего происхождения, оторвалась от системы форм соответствующего изменяемого слова, почти полностью утратив функциональные и смысловые связи с дательным падежом местоимения» [9, с. 160]. Однако и здесь задача проследить указанное «новейшее происхождение» частицы осталась без внимания.

Особое место занимает попытка, сделанная в свое время А. И. Соболевским, связать частицу «себе» (в обычном для нее сочетании с глаголом «жить») не с дательным, а с местным падежом: «Возвращаемся к фразе: живет он в Казани себе, пьет и ест и торгует собою. Какое падежное значение первоначально имела форма –ебе”»? По нашему мнению, это была так же форма местного падежа» [7, с. 420]. Гипотеза А. И. Соболевского не получила поддержки других ученых, однако она интересна, по нашему мнению, как попытка проанализировать семантику приглагольного «себе» в старом русском языке; при этом А. И. Соболевский совершенно правильно отметил обстоятельственный, наречный оттенок этой семантики.

Вернемся к примерам, приведенным А. Б. Правдиным. Слово «себе» (пока воздержимся от его строгой дефиниции – местоимение в дательном падеже или частица) сочетается чаще всего с глаголами тех же семантических групп, что и в современном русском языке, – глаголами движения и длежащего состояния («идти», «жить», «сидеть»).

Важно определить, в каких случаях из числа приведенных выше «себе» можно рассматривать как частицу. Поскольку использовать акцентные характеристики (наличие в речи самостоятельного ударения у местоимения и его отсутствие у частицы) применительно к древним текстам не представляется возможным, мы должны будем обратиться к краткому историческому анализу употребления слова «себе» при глаголах в древнерусском языке, используя как основной источник «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Слово «себе» неоднократно фиксируется в этом словаре в сочетании с глаголом «жить» в значении «жить отдельно, своим домом», например, в Судебнике 1497 г.: «А которые его дети у иного или себе учнуть жити, то не холопи» [Цит. по: 8, с. 477]. В таком значении в сочетании с глаголом «жить» слово «себе» встречается еще в «Повести временных лет» под 6559 (1051) годом: «Живете же собе» [Цит. по: Там же, с. 478]. В данном употреблении «себе» является местоимением, синонимичным современному русскому местоименному обороту «сами по себе», и синтаксически выполняет функцию обстоятельства образа действия.

Вместе с тем уже в древнерусский период можно встретить случаи, где слово «себе» в сочетании с глаголом «жить» еще, по-видимому, оставаясь местоимением, уже начинало приобретать некоторые особенности значения, характерные для позднейшей частицы.

В тексте ярлыка золотоордынского хана Узбека от 1315 г. говорится: «Ожь кто будеть оть нихъ не выступиль, а митрополиту не служить, а живеть себе, тотъ именовъ поповскимъ да не отымаецца но даеть дань» [Цит. по: Там же]. В данном случае глагол «жить» в сочетании со словом «себе» приобретает одно из тех значений, которые в современном русском языке свойственны глагольной форме с частицей «себе» – значение выраженной противопоставленности действию, выраженному другим глаголом – «митрополиту не служить, а живеть себе». Само сочетание глагола «жить» с формой «себе» в данном случае, видимо, уже изменяет свое первоначальное значение «жить отдельно» на значение «жить для себя, в своих интересах, в свое удовольствие». Такие сдвиги в значении глагольной формы со словом «себе» создают условия для трансформации этого местоимения в частицу. Однако в данном случае это еще не означает, что такая трансформация уже произошла. В рассматриваемом случае слово «себе» еще выражает некую целостную характеристику образа действия, выраженного глаголом «жить», причем выражает его в составе предложения самостоятельно, как отдельное обстоятельственное слово. Поэтому слово «себе» и в данном случае остается местоимением в дательном падеже; однако намечающиеся сдвиги в его семантике и функционировании создают условия для его будущего перехода в разряд частиц.

В указанных примерах, относящихся к XVII столетию, «себе» в сочетаниях с глаголом «жить», является уже, несомненно, частицей. В обоих приведенных случаях глагол с «себе» имеет лексически выраженное обстоятельство, которое определяет конкретное значение глагола «жить» в каждом случае («живуть себе в покое»; «живи же себе одна!»); следовательно, «себе» уже не может трактоваться просто как обстоятельственный модификатор значения глагола («жить отдельно, самому по себе»). Кроме того, указанные обстоятельства в обеих фразах являлись логической вершиной ремы предложения и должны были при произнесении выделяться ударением; «себе» оказывалось, таким образом, неизбежно в позиции с ослабленным или тяготеющим к ослабленному ударением.

Во втором случае мы имеем, возможно, один из самых ранних примеров употребления частицы «себе» с глаголом в форме императива.

Употребление таких обстоятельственных групп являлось, по-видимому, закономерным на этапе активного становления глагольной формы с частицей «себе». Наличие лексически выраженного обстоятельства образа действия с конкретным значением освобождало местоимение «себе» от его первоначального обобщенного обстоятельственного значения – «отдельно, самому по себе» и тем создавало условия для его перехода в частицу.

Другим глаголом, представленным в памятниках древнерусского языка в сочетании с «себе», является глагол «идти». Однако в словарных материалах И. И. Срезневского этот глагол не представлен, поэтому

примеры, приводимые А. Б. Правдиным, следует считать одними из наиболее ранних случаев письменной фиксации его употребления со словом «себе».

Для прояснения исторических условий формирования сочетаний «себе» с глаголами движения возможно привлечь анализ оттенков употребления таких сочетаний в русском просторечии, зафиксированных отрывочно в произведениях русских писателей XIX-XX вв.

В повести Е. Носова «Во субботу, в день ненастный...» в речи одного из персонажей, старой крестьянки, встречается такое употребление слова «себе»: «Бывало, полна хата народу,... а то одна осталась... Петя на Урал махнул, Степан себе укатил, Николай себе...» [4, с. 103]. Местоимение «себе» в данном употреблении имеет значение «в любом, неизвестном направлении по собственному выбору. В случае, когда при глаголе движения имеется прямое указание на конкретный конечный пункт («...на Урал махнул»), местоимение «себе» не употреблено. В другом значении слово «себе» в сочетании с глаголами движения могло, возможно, означать «передвигаться в одиночку, без спутников, отдельно от других».

Это значение местоимения «себе» сохраняет в следующем отрывке из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (реплика Рогожина):

«– Ну, я пойду, – сказал он вдруг..., – а ты себе иди. Пусть мы на улице разное будем... так нам лучше... по разным сторонам...» [3]. Мы считаем, что в приведенном примере «себе» является именно местоимением в функции обстоятельства образа действия (идти в одиночку, отдельно), оно произносится с ударением, причем в данной ситуации подчеркнутым; употребление местоимения «себе» в данной ситуации принципиально отличается от конструкции с омонимичной ему частицей, например, в выражении из другого места того же романа Достоевского: «ты себе иди!» [Там же].

Однако можно также предположить, что кроме указанных выше двух значений, уже с давних пор (по крайней мере, с XVII века) значением местоимения «себе» в сочетании с глаголами движения было также значение «идти, отправляться по собственной инициативе».

В обоих примерах из русского языка XVI-XVII столетий, приведенных А. Б. Правдиным, мы видим слово «себе», возможно, частично сохранившее следы обоих оттенков первоначальной семантики, но уже (по крайней мере, в одном случае), скорее, в функции частицы.

В примере: «...а ныне иди себе и покойся...» присутствует оттенок указанного значения «движения в любом свободно избранном направлении»; в данном примере это движение, однако, уже мыслится не столько в прямом смысле, сколько как необходимое условие душевного спокойствия адресата сообщения.

В другом примере – «аще и младь, а по старому зделалъ: пошелъ себе ко владыке» – поскольку при глаголе движения содержится указание направления, очевидно, невозможно трактовать значение слова «себе» как в вышеприведенном случае.

Вообще в этом втором примере переход слова «себе» в частицу не столь очевиден, и, может быть, «себе» в данном случае еще сохраняет в полной мере значение обстоятельства образа действия.

Более логично, однако, предположить, что в данном контексте более уместно значение «самостоятельно, по собственной инициативе, без постороннего побуждения».

В материалах словаря И. И. Срезневского отмечено также употребление «себе» в сочетании с глаголами психической деятельности; так, в Ипатьевской летописи дважды «себе» в сочетании с глаголами мышления употреблено в записях под 6784 (1276) годом: «Тако собе в срдци мысля, рче...»; «Нача собе доумати, абы где за Берестьем поставити городъ» [Цит. по: 8, с. 477].

В послании Ивана Грозного в Белозерский монастырь отмечено сочетание себе с глаголом «хотеть»: «Как собе хотять, так и живутъ, коли имь спасеніе душа своя не надобеть» [Цит. по: Там же, с. 478].

В первом из приведенных примеров, вероятно, логически выделяемым словом должно быть «в срдци» – в сообщении делается акцент на том, что персонаж сказал вслух какие-то слова, одновременно размышляя про себя. В таком случае «себе» здесь может быть местоимением в форме дательного падежа, близкого по значению дательному принадлежности: «в своем сердце». Но, возможно, местоимение «себе» в данном случае выражает также заинтересованность говорящего в совершении действия (в данном случае – размышления про себя), то есть выражения того значения, которое обычно придается весьма расплывчатому термину *dativus ethicus*. В любом случае дательный падеж возвратного местоимения здесь синонимичен позднейшему местоименному наречию «про себя».

Во втором случае значение формы возвратного местоимения более определено – оно имеет значение образа действия – «думать про себя».

В третьем примере, относящемся ко второй половине XVI века, значение местоимения «себе» уже иное; здесь мы не можем сказать, что речь идет о действии, совершаемом втайне от других, «про себя»; на первое место выходит значение коммодальности, совершение действия в своих интересах (вероятно, это значение в данном случае – для глагола «хотеть» – развивается из более раннего неопределенного «этического» значения). Данный сдвиг значения слова себе приближает его к позднейшей частице, хотя в данном случае нет несомненных оснований говорить о таком переходе как об уже совершившемся.

К указанным случаям употребления слова «себе» примыкает его употребление со связочным глаголом в чистом экзистенциальном значении; в Поучении Владимира Мономаха: «Иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе» [Цит. по: Там же, с. 477]. В данном случае местоимение выполняет функцию простого обстоятельства – «сам, сами по себе».

В сочетании с глаголами, характеризующими длящееся состояние (спать, лежать, сидеть и т.п.), слово «себе» в материалах словаря И. И. Срезневского не приводится и, таким образом, поговорицу XVII века, приведенную А. Б. Правдиным, можно считать первой или одной из первых фиксаций употребления себе

с глаголами той группы, которая, наряду с глаголами движения, является наиболее частотной в сочетании с этой частицей в современном русском языке.

Эта пословица – «Сокол летая и лебедь бьет, а ворона себе сидя и жабу жрет» – демонстрирует один из важнейших семантических признаков позднейшего употребления «себе» как частицы – противопоставленность действия, выраженного глаголом, сочетающимся с «себе», другому действию, выраженному глаголом, не имеющим такого слова.

Однако обращает внимание, что противопоставляемый глагол, с точки зрения современного языка, имеет те же особенности действия, что и глагол со словом «себе» – он выражает тот же процесс добывания пищи. Поэтому, с позиций современного языка, в данной ситуации возможно было бы употребление частицы «себе» как с одним, так и с другим глаголом – * «Сокол себе летая и лебедь бьет, а ворона себе сидя и жабу жрет». Между тем в современном языке такая конструкция хотя и возможна, фактически не употребляется, поскольку основное значение частицы «себе» – значение замкнутости глагольного действия в сфере субъекта – выявляется через противопоставление другому действию, где такая замкнутость отсутствует.

Очевидно, что в рассматриваемой пословице отсутствие слова «себе» при первом глаголе также не случайно, но по иной причине.

В данной ситуации слово «себе» в сочетании с глаголом «сидеть» еще сохраняет отчетливые следы наречного значения – «самому по себе, на своем месте, в своем углу». Поэтому значение обоих глаголов здесь не однотипно – неподвижное сидение жабы в своем уголке противопоставляется свободному, не связанному с определенным местом полету сокола.

Таким образом, в данном контексте слово «себе» еще не является частицей; оно является местоимением с сохраняющейся наречной семантикой.

Однако значение привязки действия к месту нахождения субъекта было присуще в сочетаниях с местоимением «себе» и глаголам состояния; в разобранным нами примере – глаголу «сидеть»; несомненно, такой аспект значения должен был быть свойственен сочетаниям датива возвратного местоимения и глаголов «лежать», «стоять», «спать» и т.д.

Таким образом, нам представляется возможным, основываясь на немногочисленных фактических данных, предположить, что глагольные конструкции с частицей «себе» возникают из первоначальных сочетаний глаголов с местоимением «себе» в форме дательного падежа, имевшим значение обстоятельства действия; при этом для разных групп глаголов исходная семантика возвратного местоимения и, следовательно, пути формирования глагольных форм с «себе» как частицей были различными.

Для глаголов движения первоначальным значением датива возвратного местоимения было, вероятно, «двигаться в произвольном направлении по своему выбору»; при указании направления это значение могло изменяться в значение «начинать движение по своей инициативе». В части случаев у глаголов движения в сочетании с дательным возвратного местоимения развивалось значение «двигаться отдельно, независимо от других, самому по себе». Глаголы движения в сочетании с местоимением «себе» с таким аспектом значения обычно употреблялись в ситуации противопоставления другому глаголу и в дальнейшем – при формировании глагольной формы с частицей «себе», такое исходное значение естественно трансформировалось у этой глагольной формы в дополнительное значение противопоставленности.

Для глагола «жить», который занимает особое индивидуальное положение, в сочетании с местоимением «себе» первоначальным значением, по-видимому, было «жить своим собственным домом, экономически независимо, за свой счет».

В текстах такая конструкция часто употреблялась в ситуации противопоставленности другому действию (ожидаемому в данном контексте или желательному для говорящего); поэтому при трансформации конструкции с местоимением в конструкцию с частицей форма глагола «жить» также приобретает дополнительное значение противопоставленности, иногда с нежелательной коннотативной окрашенностью.

Для глаголов мышления и желания во многих случаях первоначальное значение их сочетаний с дативом возвратного местоимения могло быть «внутри себя, про себя».

Для таких глаголов в дальнейшем наиболее прямо развивается основное значение глагольной формы с частицей «себе» – замкнутости действия в сфере субъекта; вместе с тем у сочетаний таких глаголов с частицей «себе» наиболее устойчиво сохраняются следы указанной первоначальной местоименной, обстоятельственной семантики этой частицы.

Мы, вероятно, в части случаев можем говорить о первоначальном «этическом» аспекте значения сочетаний этих глаголов с возвратным местоимением, значения заинтересованности субъекта в совершении мыслительного действия. В дальнейшем в таких случаях у глагольных форм с частицей себе развивается дополнительное значение коммодальности.

Первоначальная семантика глагольно-местоименных сочетаний и влияние этой семантики на развитие дополнительных значений глагольных форм с частицей себе для остальных глаголов уже были рассмотрены выше.

Для XVII века, а тем более для более ранних периодов, как мы видели, зафиксированные в текстах примеры еще не дают оснований говорить о совершившемся переходе формы дательного падежа возвратного местоимения в частицу и, следовательно, о завершении становления глагольной формы с этой частицей; в некоторых рассмотренных выше случаях такой процесс, однако, уже зашел достаточно далеко. Можно предположить, что в разговорном языке уже по крайней мере к XVII веку наличествовали не зафиксированные в текстах того времени конструкции, в которых «себе» уже практически употреблялось как частица. Такое употребление, вероятно, еще не было достаточно регулярным, так как в противном случае следовало бы ожидать более широкой письменной фиксации таких случаев.

Список литературы

1. **Грамматика русского языка** / под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1960. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. 702 с.
2. **Добродомов И. Г.** Средний залог в современном русском языке // Языковые значения, формы и категории: сб. научных статей к 70-летию проф. В. И. Фурашова. Владимир, 2005. С. 39-43.
3. **Достоевский Ф. М.** Идиот. М., 1981. 577 с.
4. **Носов Е. И.** И уплывают пароходы... М., 1975. 476 с.
5. **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** Синтаксис русского языка. СПб., 1997. 234 с.
6. **Правдин А. Б.** Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения Академии наук СССР. М., 1956. Т. XIII. С. 77-114.
7. **Соболевский А. И.** Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2. Статьи и рецензии. Заметки по славянской морфологии. 771 с.
8. **Срезневский И. И.** Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 2004. Т. IV. 976 с.
9. **Шведова Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 279 с.

**WAYS OF FORMING VERBAL CONSTRUCTIONS
WITH PARTICLE «СЕБЕ» («ONESELF») IN RUSSIAN LANGUAGE**

Sukhov Sergei Vladimirovich
Moscow State Pedagogical University
ser18442008@yandex.ru

The article considers in general terms the possible ways of forming verbal constructions with particle «себе» (–oneself) in the historical development of the Russian language. It is shown that for verbs of various lexical-semantic groups these ways are different, which is resulted primarily from differences in the semantics of the initial combinations of these verbs with the word –oneself” as a form of the reflexive pronoun dative. It is assumed that the process of pronouns form transition into a particle had not been completed yet by the XVIIth century, although some features of a new verbal construction were designated clear enough. It is shown that the fragmentary evidence on constructions with the word –oneself” in the Old Russian literary monuments can be partly completed by the reference to the use of such structures in the Russian dialects and common language.

Key words and phrases: particle –oneself”; reflexive pronoun dative; verb; pronoun transition into particle; lexical-semantic group.

УДК 81

Филологические науки

В статье показано выявление и описание индивидуально-авторских значений слова как несистемных значений, которые могут быть описаны посредством системных значений и сем. Исследование, проведенное на материале лексемы «любовь» в текстах писателей С. Довлатова и Д. Рубиной, подтверждает, что индивидуально-авторские значения – это отдельный тип значений слова.

Ключевые слова и фразы: лингвистическое значение; индивидуальное значение; контекст; психолингвистический эксперимент; верификация.

Тимошина Татьяна Витальевна, к. филол. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
tavit-ra@mail.ru

НЕСИСТЕМНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА[®]

В современной лингвистике **по принадлежности тому или иному языковому сознанию носителя языка** выделяются, по крайней мере, четыре различающихся типа значений:

системное значение – общеизвестное всему коллективу говорящих и отраженное в толковых словарях в единстве ядерных и периферийных сем;

групповое значение – значение, представленное в языковом сознании определенной социальной, возрастной группы носителей языка; имеет ограничительные функциональные семы – *техн., юрид., биол., мед., диал., южн.* и под. Напр.: *снимок* – рентгеновский снимок (стоматологич.);

микроруповое значение – характерное для небольших групп (семейных, дружеских) или выявляемых в эксперименте 2-3 ассоциациями. Например: *разводящий* – половник (коллектив воинской части);

индивидуальное значение – наименее изученное из всех, разновидностью которого является *индивидуально-авторское значение*, представленное в индивидуальном сознании автора и актуализирующееся в авторских текстах. В индивидуальном значении есть системный, групповой и собственно индивидуальный аспекты, которые могут быть описаны отдельно.